

Евгений-Володя

Стремиться и постигать

Когда ты будешь подниматься вверх, ты повстречаешь много разных людей. Не обижай их, потому что ты встретишь их всех ещё раз, когда будешь падать вниз.

Оззи Осборн, британский рок-музыкант

1.

Евгений сделал ещё одну подтяжку и поднял голову. Стальная полоска рельса была в каком-то полуметре, почти на уровне его глаз. Ещё одно усилие — и можно ухватиться. Сначала одной рукой, потом второй, а там останется переползти через пути и скатиться вниз. Насколько он помнил, с другой стороны откос был не таким крутым и у подножья его рос кустарник.

Скатиться вниз, в кустарник, а потом...

«Не надо думать, что будет потом. Сначала нужно уцепиться за рельсы...»

Он вздохнул и собрался было совершить рывок, но неожиданно возникшее желание закурить свело на нет усилия.

«Ну вот ещё одна напасть! Теперь покурить захотелось... — Евгений выдохнул набравшийся в лёгкие воздух. — Как хорошо было, когда я не курил... Не курил почти до тридцати лет...»

2.

Ни в юности, ни в молодости тяги к курению Володя не испытывал. Однажды, когда он учился классе в пятом, кто-то из парней-одноклассников в обмен на пустую бутылку выпросил у киоскёрши пачку папирос «Байкал» и предложил

нескольким подросткам покурить. Папиросы эти были самыми дешёвыми и стоили то ли шесть, то ли восемь копеек. Они зашли в железнодорожный сад и, спрятавшись за эстраду, пустили зажжённую папироску по кругу. Когда очередь дошла до Володи, он втянул в себя дым и сразу выпустил.

— Так не считается, — пояснил ему самый опытный из всех собравшихся курильщик. — Чтобы дым выходил изо рта и носа, нужно затянуться, вдохнуть, пропустить его через лёгкие и выдохнуть. Смотри, вот...

Наставник начинающих курильщиков затянулся и легко выпустил дым из носа.

— Вот так! — сказал он весело, передавая папироску Володе.

Володя снова втянул в рот дым, но вдохнуть его не решился, почти тут же выпустил изо рта.

— А! — махнул рукой, глядя на него, наставник и передал папироску другому.

Дома Володя долго мыл руки с мылом, украдкой ел лук, чтобы перебить запах табака и не объясняться с родителями. Ему казалось, что табаком и дымом пропиталось всё его тело, и он старался не прикасаться к вещам, отказавшись от ужина.

Вторая попытка табакокурения случилась с ним лет через десять после первой, когда Константин угощал всех настоящими гаванскими сигарами.

Как и обещал, Константин, применил все свои способности и связи и добился, что их: его, Володю, Витю-Перца и Исаака, — включили в состав стройотрядовцев — проводников пассажирских вагонов фирменного поезда «Байкал».

— Будем работать два месяца — июль и август, и у нас получится четыре поездки до Москвы и обратно. Я договорился, нам дадут один вагон купейный и один плацкартный. Думаю, что мы с Витей будем купе обслуживать, а вы, — он показал на Володю и Исаака, — парни самостоятельные, справитесь и в плацкартном.

Исаак от такого известия подпрыгнул чуть ли не до потолка общежитской комнаты и захлопал в ладоши.

— Ура-а-а-а! Встречай нас, столица! — закричал он, обняв за плечи Володю и Витю-Перца.

Витя-Перец после слов Константина замер с открытым ртом. Глаза его излучали не выраженный в звуке восторг.

— Ну, здóрово, — улыбнулся Володя. — Только справимся ли мы? Одно дело — ехать пассажирами, другое — проводниками.

— Не дрейфь, справимся! — уверил Константин. — В конце июня пройдем теоретическую подготовку в вагонном пассажирском депо у опытных проводников, получим стройотрядовскую форму и — вперед на столицу! Ну а перед большой работой и свиданием с Москвой неплохо бы после экзаменов отдохнуть денечек хотя бы у славного озера Байкал. А? Вова, помнится, ты говорил, что у тебя дружок армейский тачкой заправляет и высказал тебе желание выбрать время и до Листвянки нас прокатить? Думаю, время пришло.

— Хорошо, я поговорю с Дамиром, — одобрительно кивнул Володя.

Дамир не заставил ждать. Он выбрал подходящее для всех время и воскресным июньским утром подкатил «Волгу»-такси к общежитию.

По автотрассе от Иркутска до Листвянки около семидесяти километров. Весь путь занял чуть больше часа, и всю дорогу друзья обсуждали предстоящую поездку в Москву, выстраивая планы и делая предположения. Они так увлеклись, что не заметили, как проехали место, где вытекает из Байкала Ангара, и не обратили внимания на знаменитый Шаман-камень. Спихнулись, когда об этом им напомнил сидевший за рулём Дамир.

— Вы так красиво говорите, что мне самому в Москву с вами поехать захотелось. Ну, я и не стал отрывать вас, — объяснил Дамир. — А у Шаман-камня мы на обратном пути остановимся. Никуда от нас он не убежит.

Несмотря на ранний для купания час — около десяти часов утра, народу у берега озера в районе посёлка было немало.

— Что вы хотели? Сегодня воскресенье, после полудня тут яблоку негде упасть будет, — сказал Дамир, остановив машину на въезде в посёлок. — Это место называют сибирской Анапой и здесь до самого октября каждый день полно народу.

Известно, что Байкал освобождается ото льда в мае, а то и в июне, и купаться в озере начинают с июля и чаще

в заливах озера, где вода прогревается получше. Но всегда были и, наверное, будут смельчаки, готовые ринуться в священное для местных жителей озеро в любое время и в любую погоду. И в этот день, на глазах восторженных женщин, несколько мужчин с разбегу бросались в воду, но, проплыв немного, возвращались к берегу. Кто-то из них за смелый поступок был награждён аплодисментами подруг, а кого-то встречало неодобрительное ворчание жён.

Дамир припарковал «Волгу» в месте, где было поменьше народу, и все четверо его пассажиров, приподняв гачи брюк выше к коленям, пошли по пляжным камешкам к воде.

Жёлтое солнце, синее небо, редкие белые облака отражались в чуть покачивающейся воде, и чем больше Володя смотрел на воду, тем больше ему казалось, что солнце, небо, облака, мечущиеся между озером и небом чайки плывут и летят одновременно вверху и внизу, что небо и вода сливаются вдали воедино, а виднеющийся на горизонте горный хребет Хамар-Дабана выходит из воды и в то же время спускается в озеро с неба.

Тем временем Константин первым вошёл в воду, за ним последовали Исаак и Витя.

Володя вытянул ногу навстречу набегающей слабой волне. Волна омыла пальцы ноги, пятку и отхлынула, словно позвала: давай теперь ты ко мне.

Володя сделал шаг и другой. В прозрачной воде под ногами лежали мелкие мытые камешки, среди которых можно было различить монетки. Володя нагнулся, поднял камешек с жёлтыми полосками. Рука быстрее, чем ноги, ощутила прохладу.

— Ноги прямо сводит! — сказал Константин, выбегая на берег. — Други мои, осторожнее. У кого организм послабже — бойтесь, могут волдыри на губах соскочить. Герпесом называются. Тогда никто с вами целоваться не рискнёт.

Витя и Володя тоже поспешили на берег, а Исаак, не торопясь, умыл сначала руки байкальской водицей, а потом и лицо и только после этого вышел, замочив брюки.

— Я вот что, друзья мои, предлагаю, — сказал не заходивший в воду Дамир. — На Байкал мы посмотрели — и

хватит на первый раз. Давайте вернёмся к Шаман-камню. Остановимся там. В Ангаре вода потеплее будет. Кто хочет — может искупаться.

— В принципе, разумное предложение, — согласился Константин. — Только для начала давайте заедем на здешний рыбный базар, возьмём омуля холодного и горячего копчения, зайдём в кафе и опрокинем под рыбку по кружечке-другой пивка.

Возражений этому предложению не было, и вскоре вся компания, прогулявшись между рядами рыбного рынка, где преобладал в солёном и копчёном виде омуль, поднялась на террасу двухэтажного кафе.

Дамир пиво пить не стал («Я за рулём») и заказал пять порций байкальской ухи.

— Угощаю, друзья, вас, — сказал он. — Кто не пробовал ещё — оцените. При всём уважении к нашим мамам и бабушкам, такую, как на Байкале, уху они не приготовят. Здесь уха особая.

Пока ждали уху, выпили почти по кружке, разговаривая и разрывая копчёного омуля.

— А я предпочитаю омуля покупать на иркутском рынке, — сказал Дамир, прожёвывая кусочки рыбы всухомятку. — Там выбор побольше. Туда везут его почти со всех прибайкальских посёлков области и, бывает, даже из Бурятии завозят. Да и продавцы там стоворчивее, можно цену сбить при большой покупке.

— Мой отец тоже рыбу заказывает в Иркутске на рынке, — согласился Константин. — Омулёк — вещь. Обратите внимание на здешних чаек. Они отъелись на омуле, и их от домашних гусей не отличишь. Здоровенные какие. Я был с родителями в Крыму, там черноморские чайки помельче наших будут.

— Они же байкальского омуля не едят! — засмеялся Володя. — Они, наверное, черноморской килькой питаются!

— А мне черноморский окунь понравился — сказал Константин, отпивая пиво. — Мы были в Севастополе и в Ялте, и там организована рыбалка на катерах. Можешь сам поймать окунька в море, и тебе его на берегу поджарят на углях.

— Хорошо бы и в Крыму побывать, — вздохнул Исаак, потроша своего омулька, — черноморского окуня попробовать...

— В Крыму раздолье для археологов, — глотнув из кружки и посмотрев, сколько в ней осталось пива, сказал Володя. — Там целый город Херсонес откопали и ещё, я уверен, откопают много чего. Там же ещё до нашей эры греческие колонии-города стояли.

— Для археологов везде раздолье, — ответил на реплику Володи Константин. — Вся земля. Где ни копни — везде можно следы древних цивилизаций найти. Только усердие нужно и терпение. Вон Шлиман начитался Гомера и давай Троию искать по описанию... И нашёл. И нашёл, насколько известно, в том месте не только Троию, но и ещё какие-то поселения.

— А я думаю, что и у нас на Байкале вполне можно рыбалку с катеров и лодок организовать, — сказал Дамир, прерывая неначавшуюся дискуссию Константина и Володи. — Нужны энтузиасты. А дело пошло бы. У нас хоть и не Крым, но туристов тоже много бывает.

— Несомненно, пошло бы, — согласился с ним Константин. — Я думаю, что найдутся рано или поздно такие люди.

Байкальская уха понравилась всем. Может, ещё и потому, что выпитое пиво вызвало аппетит. Ели с удовольствием. После ухи пива решили пока не пить. Взяли с собой бутылочного и поехали в обратном направлении, к Шаман-камню.

— Все знают легенду о Байкале и Ангаре? — спросил Константин, поворачиваясь к товарищам.

Он сидел рядом с Дамиром на первом сиденье.

— В общих чертах все, — ответил за себя и прижимающихся к нему на заднем сиденье «Волги» Исаака и Витю Володя.

— Так давайте же, друзья, все вместе расскажем другу другу эту легенду. Я начинаю.

Константин был в хорошем настроении, да и остальные тоже.

— Давным-давно, в незапамятные времена, жил в Сибири, среди тайги и гор, славный богатырь по имени Байкал, — начал распевно Константин. — И было у него тридцать три красавицы-дочери — реки таёжные...

— Триста тридцать три! — вставил Исаак.

— Триста тридцать три, — согласился Константин, — включая маленьких — несовершеннолетних. И все дочери

любили своего отца-богатыря, питая и лаская его и придавая ещё бóльшую силу ему своими притоками.

— А кто был его женой? — спросил вдруг Витя-Перец. — Дочки откуда у этого богатыря взялись?

— Об этом история умалчивает, — сменил распевный тон на рассудительный Константин. — Но можно предположить, что он был многожёнцем или даже содержал гарем и каждая из его жён родила ему по несколько дочерей.

— Ладно. Твоя гипотеза принимается. Давай дальше, — разрешил Володя.

— Итак, дальше, — снова оживился Константин. — И самой прекрасной и самой любимой его дочерью была Ангара. Река Ангара, как и её сёстры, по мере взросления хороше-ла, крепла, расширяла берега и углублялась — становилась полноводнее и полновеснее. Старшие сёстры её, пробегая по лугам, таёжным и горным местам, находили себе женихов-спутников и, сливаясь с ними, становились ещё шире и краше и с удвоенной силой несли свои воды к отцу-Байкалу.

— Однажды повстречала своего суженого и красавица Ангара, — выждав, когда Константин сделает паузу, подхватил рассказ Володя, тоже говоря нараспев. — Молодой богатырь по имени Енисей, увидев красавицу, вздыбил свои волны над берегом, остановил свой бег и замер, изумлённый. Приостановила свой бег и Ангара, засмотревшись на красавца.

Володя, улыбаясь, вздохнул, собираясь с мыслями. И пока он собирался, эстафету подхватил Витя-Перец:

— «Иди ко мне, красивая, — сказал Енисей Ангаре, — давай сольём вместе наши воды и понесём их к морю и океану, чтобы там, соединившись с ними, стать одной мировой водой», — выпалил на одном дыхании Витя и посмотрел на Исаака.

— «Я бы пошла к тебе и охотно влила свои воды в твои, — ответила Енисею Ангара. — Но у меня есть бабушка-Байкал, и мне, как послушной его дочери, нужно спросить его благословения», — не заставил себя ждать Исаак.

— Молодцы! — похвалил всех Константин и снова взял инициативу на себя, продолжая распевный рассказ. — «Хорошо, — сказал Енисей своей избраннице. — Беги к своему отцу, попроси его благословения, а я буду ждать тебя возле

таёжных камней. И когда ты вернёшься, мы обручимся и побежим вместе на север, к морю-океану». И счастливая Ангара, весело напевая, побежала к отцу-Байкалу, а задумчивый жених-Енисей стал ждать её у таёжных скал.

— Как у вас всё складно выходит! — воскликнул восхищённый Дамир, улыбаясь и поглядывая на дорогу. — Как будто всю ночь легенду наизусть заучивали.

— Обижаешь, Дамир, — поворачиваясь к нему, сказал Константин. — Мы же историки, а значит, не лишены литературной фантазии. И потом, как ты, наверное, заметил, мы легенду на свой лад рассказываем. Импровизируем.

— А мне, журналисту, сам Бог велел фантазию включать, — напомнил всем Исаак о своей будущей профессии и продолжил рассказывать легенду: — Долго ждал свою возлюбленную Енисей. Высматривал, поднимаясь над скалами и лесами, а она всё не возвращалась...

— А Ангара в то время обливалась слезами и била свои волны о прибрежные скалы, пытаясь вырваться из заперти, — поймав на паузе Исаака, вставил Володя. — Узнав о планах дочери, разгневанный Байкал заточил её в неволю, под строгий свой пригляд...

— Плакала, лила слёзы Ангара, уговаривала, упрашивала отца отпустить её к Енисею, но Байкал был неприступен, — снова взял на себя инициативу главного рассказчика Константин. — Плакала Ангара, и плакали вместе с ней и кричали надрывно чайки в небе. Наконец Ангара, наплакавшись, затихла, присмирела, как будто смирилась со своей участью. Затих и присмирел Байкал и, успокоив свои воды, задремал...

Константин затих и, повернувшись к друзьям, вопросительно посмотрел на них.

— Ну заканчивай уже сам, — сказал ему Володя. — Раз начал, давай доводи до конца.

— Но не смирилась, нет, не смирилась Ангара! — воскликнул, подняв руки, Константин. — Она отыскала лазейку, маленькую брешь у берега и с силой устремилась, помчалась туда, где ждал её Енисей. Мысли о встрече с возлюбленным придавали Ангаре новые силы. От шороха и бурного журчания проснулся Байкал и, увидев, что любимая дочь его, Ангара, вырвалась из заточения и убегает, схватил из-под ближайшего

утёса камень-скалу и бросил вслед дочери, пытаясь перекрыть её течение, — Константин махнул двумя руками, изображая бросок. — Но влюблённая Ангара уже набрала силы и, разделив свои воды, обошла препятствие с двух сторон, оставив камень в середине своего русла. Легко преодолев другие преграды, встречающиеся ей на пути, Ангара прибежала к ожидающему её Енисею, и, слившись воедино, две сибирские реки помчались дальше, мимо скал и тайги, на север — к морю называемому Карским, и океану, величаемому Ледовитым. А брошенный вслед дочери Байкалом камень до сих пор лежит недалеко от того места, где Ангара вытекает из озера, как напоминание людям о старинной легенде и красивой любви.

— Bravo! — воскликнул снова Дамир. — Вам бы записать ваш совместный вариант легенды и отнести в редакцию литературного журнала «Сибирь».

— Хорошее предложение, — подхватил идею Константин. — Исаак, займись литературной обработкой. Можешь поставить там одну свою подпись; если где опубликуешь, гонорар поделишь с нами.

— Ну за кого ты меня принимаешь? — обиделся Исаак. — Это наше совместно сочинённое произведение. Вместе и сделаем обработку. А если «Сибирь» не возьмёт, я отвезу нами сочинённую легенду в свою районную газету.

— Ладно, друг, я пошутил, — подмигнул ему Константин. — Складно и мы придумали, а ещё лучше до нас сочинили, выдумали такой берущий за душу сюжет наши предки. Людям вообще свойственно одушевлять в своих сказках, легендах, баснях окружающие их предметы, зверей, птиц, рыб, реки, озёра, моря, явления природы. В науке это называется антропоморфизмом. Древнегреческое название. От слов «человек» и «вид». Человеческая фантазия не знает границ, и порой животным приписывают такие качества каких у них и не бывает, и не бывало никогда. Вот взять миф о лебединой верности. Считается, что если погибает лебедушка, то и лебедь, в знак верности, камнем бросается на землю и погибает рядом с ней.

— А разве это не так? — спросил Дамир. — Даже песня об этом есть.

— Песня романтизирует отношения. Делает красивой историю о верности. На деле лебедь, увидев, что подругу

подстрелили или что-то случилось с ней в полёте, бросается за ней, но перед землёй или водой, метра за два-три, плавно распускает крылышки и тихонечко приземляется. Если лебёдушка ранена не смертельно, он по мере сил старается ей помочь, а если она погибла или безнадежна, то он просто отсиживается в камышах и, дождавшись пролёта новой лебединой стаи, присоединяется к ней. А после выбирает себе новую подругу. Вот так. Всё гораздо прозаичнее в жизни.

Константин развёл руки, глядя на Дамира.

— Тем не менее, легенды и сказки нужны. Они помогают человеку верить в хорошее. Найти выход в, казалось бы, безвыходных ситуациях, — сказал Володя.

— Конечно, нужны. Конечно, помогают. Я не спорю, — ответил Константин, повернувшись к нему. — Нужны, наверное, и легенды о великих и знаменитых людях, которым с течением времени от их ухода приписывают различные благородные поступки, какие быть могли, но процентов на девяносто навряд ли были. Это додумки и придумки потомков. Вот и наша легенда про Байкал, Ангару и Енисей — не более чем красивая. А отец мой был на том месте, где сливаются Ангара и Енисей, и говорит, что не сразу понял, кто в кого впадает. Ангара там шире, чем Енисей. Я думаю, что если бы назвали Ангару в своё время Енисеем или как-то по-другому, а Енисей — Ангарой, то сложили бы другую легенду.

— Я допускаю, что и Ангару, и Енисей могли наши предки назвать по-другому, — отреагировал на слова Константина Исаак. — Но те, кто жил на берегах этих рек, думаю, давали им названия вполне логично. Ангара, к примеру, на бурятском языке называется Ангар Мурэн, а на эвенкийском, насколько мне известно, — Анара. И на том, и на другом языке это означает как бы раскрытый рот, пасть животного или расщелину. Скорее всего, это название дали предки, увидев место, где вытекает Ангара из Байкала. А Енисей, кто не знает, по-эвенкийски звучит как Ионеси — большая вода. Вполне всё логично.

— С тобой, журналистом, разве поспоришь? — громко засмеялся Константин и, стараясь сменить тему, спросил Дамира: — Не проскочим мимо Шаман-камня на этот раз за разговорами?

— На этот раз вы не заставите меня проехать мимо, даже увлекая интересными разговорами, — отозвался Дамир. — Да вот он уже виден. Смотрите влево. Вон белеет...

— Белеет парус одинокий в тумане моря голубом! — продекламировал Константин.

— Ну, скорее, он серый, чем белый, верхушечка у него белизной отдаёт только, — пояснил бывавший здесь не один раз Дамир.

— И не одинокий: вон там, посмотрите, второй камень за ним виднеется, — показал рукой в окно «Волги» Володя.

— Да, там есть и второй выступ, — объяснял дальше, посягая на права экскурсовода, Дамир. — При ближайшем рассмотрении видно два камня, но на деле это одна большая подводная скала в этом месте выглядывает на поверхности. Когда в Ангаре много воды, второй почти не виден с берега. Да и так издали не каждый различит, что там два камня. Это вот Володька глазастый. Не зря в армии наводчиком орудия был.

— А доплыть до него можно? — спросил Витя-Перец.

— Пробуют смельчаки, доплывают, бывает, но не все, — сказал Дамир. — Здесь очень сильное течение, относит. Камень лежит примерно в полукилометре от берега. Как раз посередине реки. Ну, я думаю, что мы геройство проявлять не станем. У меня есть брезент в багажнике, расстелем его у машины, посидим у берега, окунёмся, покупаемся в Ангаре.

— Ну, ты, Дамир, оборудован на все случаи жизни! — восхитился Константин. — Может, ещё и палатку с собой возишь?

— Есть и палатка двухместная, — улыбнулся Дамир. — Но, наверное, ставить её сегодня не будем... В другой раз как-нибудь... Может, когда с ночевой надумаем поехать.

Расстелить брезент вызвались помочь Дамиру Исаак и Витя-Петрец, а Константин с Володей спустились к Ангаре.

— Где-то здесь, метрах в сорока от берега, восемь лет назад утонул драматург Александр Вампилов, — сказал Константин, когда они подошли к воде.

— Это который «Старший сын» пьесу написал? — спросил Володя. — По ней ещё фильм поставили...

— И «Старший сын», и «Утиная охота», и «Прощание в июне», и «Прошлым летом в Чулимске», и ещё много чего

написал Александр Валентинович за свои тридцать пять лет жизни, — вздохнул Константин и, подняв с берега камешек, запустил его в реку. — Он, кстати, два дня не дожид до тридцати пяти. Утонул семнадцатого августа, а девятнадцатого ему тридцать пять бы исполнилось...

— А как это случилось? Лодка перевернулась? — Володя тоже поднял камешек и бросил в воду.

— Да, лодка столкнулась с бревном-топляком и перевернулась. С ним был его друг, писатель Глеб Пакулов. Глеб успел, зацепился за лодку, а Александр поплыл к берегу. Как установили потом, у него сердце не выдержало. Не доплыл метров сорок до берега. А Глеб спасся.

Они постояли, молча глядя на реку, на Шаман-камень, на противоположный берег.

«Вот так бежит река, течёт вода. Вода даёт жизнь людям, а бывает, и отбирает её, — думал Володя, глядя на Ангару и невольно сравнивая её с Бирюсой. — Конечно, Бирюса и мельче, и поуже Ангары, а ведь тоже сколько людей утонуло и в ней. И сколько топляков стало тому причиной».

— А откуда здесь топляки? — спросил он, оторвавшись от дум своих и оторвав от размышлений Константина. — Здесь же лес не сплавают, как у нас на Бирюсе.

— Я слышал, что раньше сплавали и здесь, плоты даже гоняли, — ответил медленно, видимо, ещё находясь в своих раздумьях, Константин. — Ну и даже где лес не сплавают в промышленных масштабах, всё равно топляки бывают. Река по весне разливается, заходит на берега, подмывает корни деревьев, деревья падают в воду и плывут по течению. Нормальный, естественный процесс, продуманный природой. Природа же не виновата, что человеку не сидится на месте и он то плавает, то летает с помощью различных приспособлений типа лодок, катеров или самолётов.

— Эй, мечтатели! — окликнул их Дамир. — Вы купаться надумали, или к пикнику приступим сначала?

— Друзья мои, я вот что предлагаю, — сказал Константин, вернувшись к «Волге». — Давайте сначала искупаемся, сфотографируемся на фоне реки и Шаман-камня, а потом уже к еде-питью приступим. У меня фотоаппарат с собой есть.

— Импортный? — спросил Дамир.

— Нет, наш — «Зенит», но вариант экспортный, четыре сотни рублей стоит.

— Ну давайте, — согласился Дамир. — Сначала у моей машины сфотографируемся, потом на фоне Ангары. Я сомневаюсь, что Шаман-камень видно будет на фотографии. Слишком далеко он.

Пока друзья выстраивались у «Волги», Константин сфотографировал речные дали.

— Да, — согласился он с Дамиром, глядя в окошечко фотоаппарата. — Шаман-камня на снимке видно не будет. В следующий раз другой объектив из дома возьму. Он приближает почти в десять раз.

Константин сфотографировал всех на фоне реки и у машины, потом отдельно Дамира за рулём и у капота. После этого фотоаппарат взял Дамир и запечатлел на плёнку четверых студентов.

— Пока хватит, плёночку импортную побережём, — сказал после этого Константин, складывая фотоаппарат в коричневый футляр. — Чуть позже запечатлеем всех в пляжном варианте, когда искупаемся.

Первым снял с себя рубашку и брюки Витя. Он постоял возле машины в плавках синего цвета, отливая белизной тела и краснотой лица, а потом несмело пошёл к реке.

— Как водица? — спросил подошедший Константин, когда Витя зашёл в воду.

— Терпимо. Хотя сначала холодноватой кажется.

— Это только сначала. Искупи́мся — теплее станет. Ты вот что, Витяня, за мной не гонись, я попробую до камня доплыть. Если почувствую, что не получится, вернусь. А ты тут поплескайся и пока никому не говори, что я задумал.

— И я с тобой поплыву, — сказал вдруг Витя.

— Витя, это дело опасное, а ты человек впечатлительный, не дай Бог переволнуешься... А вода холодная, ещё и ноги может свести, — попробовал отговорить его Константин.

— М-мне не с-сведёт, — ответил Витя, явно уже волнуясь. Его лицо стало ещё краснее. — Я... я... я... У нас в д-деревне т-тоже р-речка есть... Я её по п-пять раз п-переплывал! Т-туда и об-ратно!

— Хорошо, только успокойся. Берусь тебя сопровождать, — улыбнулся Константин. — В принципе, мы ничем не рискуем, вернёмся сразу, если что не так пойдёт.

— И я с вами! — уверенно сказал Исаак, заходивший вслед за ними в воду в белых в чёрную полосочку плавках, слышавший их разговор. — Для меня пятьсот метров — не расстояние.

— Ладно! — согласился Константин. — Но только давайте держаться все вместе, и берите всё время влево, чтобы не отнесло течением, а то потом под Иркутском вылавливать будут.

Они зашли в реку по пояс и почти одновременно поплыли.

Когда Володя и Дамир, ещё ничего не знающие о планах приятелей, разделись и спустились к воде, Константина, Исаака и Виктора можно было различить только по головам.

— Хорошо плывут, — отметил Дамир. — Хоть на Олимпийские игры в Москву отправляй.

— Слушай, Дамир, тебе не кажется, что они к Шаман-камню нацелились? — спросил приятеля Володя, с тревогой в голосе. — Я, когда переодевался, слышал обрывки их разговора, но значения не придавал. А теперь понял, что Костя решил плыть к камню, а эти двое за ним.

— Эй! — крикнул уплывающим от берега Дамир. — Давайте назад! Не дурите! Я вам говорю, течение большое!

Но навряд ли уплывающие слышали его. Тем более что со стороны посёлка послышался рокот лодочного мотора и вскоре показалась лодка «Казанка».

— Мужики, хотите, до Шаман-камня и обратно прокачу? — спросил обеспокоенных друзей, заглушив мотор лодки, подплывший к ним мужчина лет сорока, в курточке-штормовке, — всего за пять рублей могу доставить вам такое удовольствие.

— У нас ещё трое, вон своим ходом туда пошли, — сказал Володя, показав рукой на реку.

— Боюсь, им помощь нужна будет, — высказал своё мнение лодочник. — Берусь помочь всем и всех благополучно высадить на берег. За всё — червонец. Считайте, что даром — только затраты на бензин оплатите. Это ради уважения к вам и вашим способностям.

— Откуда вы знаете, на что мы способны? — спросил Дамир.

— Да вижу уже, что парни вы не простые. Чего-то стоите в жизни. Уважаю таких. Ну что, садитесь, поплывём за вашими героями?

— Ну, давай, — согласился Володя. — Надо их подстраховать.

— Ладно, — кивнул Дамир, — я тогда фотоаппарат Константина прихватчу и машину закрою.

Володя часто потом вспоминал этот летний день и считал его одним из лучших в своей прожитой жизни. Лодка плыла, пересекая и рассекая реку, а над ней и под ней, отражаясь в воде, плыли небольшие облака и синело небо.

Он помнил всё, что происходило тогда.

Помнил, как они нагнали решившихся на заплыв пловцов, ни в какую не хотевших оставить задуманное и пересечь к ним в лодку. Володя особенно волновался за Витю Перца, но тот неожиданно для всех на второй половине дистанции обошёл Константина и уверенно финишировал первым. Витя махал лодке, держась одной рукой за камень, когда к нему подплыл Константин и, было видно, похлопал по плечу. А вот Исаака они всё-таки подобрали. Метров за сто до камня он начал сигналить, и лодочник вместе с Дамиром помогли ему забраться в лодку.

— Пальцы на левой ноге свело, — оправдывался перед приятелями Исаак.

— А зачем поплыл-то, коли не уверен в себе? — спросил его грозно Дамир. — А если бы нас не было рядом? Тогда как? Пошёл бы на дно?.. Как тот писатель?..

— Если бы нас рядом не было, он бы не поплыл, — ответил за притихшего друга Володя. — А так — вот живое воплощение супермена, Константин наш... Хочется в грязь лицом не ударить...

— Да если бы не свело пальцы, то я бы доплыл... — тихо сказал Исаак.

— А я тоже, ещё до армии, примерно до того места доплыл, что и ты, — сменил тон Дамир. — Тоже друзья на

лодочке подобрали. Но у меня тогда просто силёнки кончились. Больше не пробовал.

Потом они позировали на разогретом на солнце тёплом камне. Сначала всех друзей сфотографировал лодочник, затем фотоаппарат поочередно брали Исаак и Дамир, перебираясь в лодку. После Константин сделал снимки каждого в отдельности.

Помнил Володя и о том, как заспорили Витя с Исааком, что проплывут без передышку обратно. Как все отговаривали их от продолжения заплыва, говоря, что они тоже хотят преодолеть себя и водную преграду. Особенно не унимался Исаак. Он всем хотел доказать, что сошёл с дистанции по уважительной причине и сейчас может легко преодолеть её в обратном направлении. Константин, как всегда, был верен себе и, пойдя на уступки друзьям, предложил соломоново решение: ему и Виктору, покоровившим Ангару, сесть в лодку, а остальным плыть обратно своим ходом.

Навсегда запомнил Володя свой первый в жизни большой заплыв от Шаман-камня до берега. Как он плыл, преодолевая сопротивление течения Ангары, и, по совету Константина, всё чаще загребал вправо. Помнил, с каким счастьем и восторгом победителя вышел он на берег после заплыва и как лежал на траве, глядя на проплывающие облака. Помнил пикник на брезенте у «Волги», как Константин, угостив друзей «Капитанским джином», достал затем гаванские сигары и Володя поддался на уговоры «не отрываться от коллектива» и закурил.

Удивительно, но, придерживаясь совета Константина, он втянул в себя дым, не закашлявшись и даже не поперхнувшись, выпустил.

От выпитого джина, закуски и затяжки стало ему хорошо как никогда. Он видел, что прекрасное настроение было у всех его друзей, включая непьющего Дамира, размахивающего сигарой и рассказывающего им о том, как и где он рыбачил и в каких местах переплывал Ангару. Они снова вспомнили погибшего Вампилова, и Исаак сказал, что в этом месте собираются соорудить памятный знак, а ещё хотят поставить в Иркутске памятник драматургу и назвать улицу и театр его именем.